

ЕГО ПЕРВАЯ

Лунга Рок

Линда Рок

Его первая

«Автор»

2026

Рок Л.

Его первая / Л. Рок — «Автор», 2026

Три недели назад я должна была стать первой жертвой маньяка, который растерзал двух девушек из лучших семей. Я выжила. Но какой ценой? Единственный, кто может мне помочь, – детектив-оборотень, которого вышвырнули из полиции. Только я рассказала ему не всё. Не рассказала, что после той ночи со мной что-то происходит. И уж точно не скажу, что каждый раз, когда он рядом, во мне что-то просыпается. И это что-то совсем не похоже на леди...

© Рок Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Линда Рок

Его первая

Глава 1

Дверь открылась не сразу. Ника успела постучать ещё раз и подумать, что в такой час ей никто не откроет. Потом внутри послышались тяжёлые, неспешные шаги. Когда наконец скрипнула щеколда, Ника едва не попятилась.

Хозяин оказался высоким и широкоплечим. Загородил собой весь проём, как медведь вход в берлогу. Тёмные волосы небрежно зачёсаны назад, а глаза неожиданно голубые. Слишком светлые для брюнета.

— Леди? — Это прозвучало как вопрос, а не как приветствие. И в тусклом свете на лестнице она разглядела его зубы: ровные, белые, чуть длиннее, чем положено человеку.

Лик. Оборотень, как брезгливо говорили в высшем свете. Частный детектив, к которому её направили, оказался одним из тех, кого ей с детства велели обходить стороной.

Она ещё могла развернуться. Сказать, что ошиблась дверью, спуститься по лестнице, сесть в экипаж, и никто бы не узнал, что она здесь была.

Но она не развернулась. Леди Сереника Амбри три недели тащила это одна. Хватит.

— Мне говорили, вы берётесь за дела, которые не доходят до полиции. — Голос почти не дрогнул.

Ника с любопытством изучала детектива. Так близко она ещё ни разу не видела лика. Лики жили бок о бок с людьми, но почти с ними не знали: у них были свои кварталы, свои лавки, свои дела.

— Смотря какие дела. — Он не подвинулся и не пригласил войти. — И смотря чьи.

Она явилась на рассвете, а он даже не удивился. Только смотрел хмуро, будто ждал от неё одних неприятностей.

— Мои.

— Вижу. — Он оглядел её с головы до ног и, похоже, остался недоволен. — Леди, одна, в таком районе, да ещё ни свет ни заря. Либо у вас беда с головой, либо просто беда.

— Может быть, и то и другое, — сказала Ника, вздёрнув подбородок. — Вы позволите войти, или мы так и будем разговаривать через порог?

Он нехотя посторонился. Видно, прикинул, что выставить её будет хлопотнее, чем впустить.

Вся квартира умещалась в одну комнату с кухней, да и та была почти пустой: стол, заваленный бумагами, вешалка с потрёпанным форменным плащом, кровать у стены. Ни ковра, ни единой картины. Здесь жили так, будто не собирались задерживаться.

— Прежде чем я что-нибудь скажу, — Ника остановилась посреди комнаты и повернулась к нему, — дайте слово, что всё останется между нами. Ни полиции, ни моему опекуну, ни кому бы то ни было ещё.

— Слово? — Он хмыкнул. — От лика, которого вышвырнули из полиции? Будете ему доверять?

— Нет. Поэтому мне и нужна руна молчания.

— Я не болтаю о клиентах, леди. — Он прислонился плечом к стене и скрестил руки на груди. — И ваша репутация меня не волнует.

— Тогда что вас волнует?

— Плата. — Он пожал плечами. — Я частный детектив. Я разгадываю загадки за деньги.

Ника бросила на стол заготовленный конверт. Конверт был толстый, и Нике стало чуточку спокойнее. Верности за деньги не купишь. А вот сговорчивость можно, Ника проверяла это не раз.

— Но руна мне всё же нужна.

Она провела пальцем в воздухе плавную линию, и следом потянулся тонкий, почти невидимый росчерк, как узор на заиндевевшем окне.

Детектив долго смотрел на руну. Потом вздохнул и протянул руку ладонью вверх. Будто подачку принимает, а не магическую клятву. Кто ж так делает!

Руна скользнула вниз и осела на коже. Маленький, едва заметный знак у основания большого пальца. Он тут же потёр его, словно пробовал её магию на ощупь.

— С чего вы взяли, что я вам помогу? — спросил он наконец.

Она догадывалась, о чём он думает. С чем ещё леди может прийти к лику на рассвете? С неудачным романом? С женихом, которого надо припугнуть?

Ника поймала его взгляд и не отвела глаз. Пусть видит леди, а не перепуганную девчонку, у которой дрожат колени.

— С того, что я была первой.

— Первой? — Он, кажется, решил, что угадал. — Первой, кому пришлось в голову скомпрометировать себя с ликом, лишь бы не идти под венец? Поэтому вы пришли затемно? Смело.

Любая леди на её месте оскорбилась бы. А Нике вдруг стало легче дышать. Впервые с той ночи на неё смотрели не как на фарфоровую чашку, которая вот-вот треснет.

Интересно, а к нему уже приходили скомпрометировать себя? Мысль была неуместной, и Ника быстро от неё отмахнулась.

Хотя он был хорош собой. И эти его льдисто-голубые глаза... Какой у него зверь, с такими-то глазами?

Ника стиснула в пальцах край кружевной перчатки. Под ней, у самого запястья, начался первый шрам. Едва заметная тонкая полоска, чуть стянутая, как шов. Но Ника чувствовала его всегда.

Раз. Два.

Она заставила себя разжать пальцы и поднять глаза.

— Я была первой из убитых. Вернее, могла бы ею стать. Эстер Вейс. Аделина Торн. Обоих нашли растерзанными, со следами зверя. Но первой должна была быть я.

* * *

Рен молчал. Он не был уверен, что проснулся. Может, он так и спит, и эта рыженькая леди ему снится.

Клиенты искали его через Финча. Библиотеку в городе знал каждый, а Финч служил там библиотекарем и умел держать язык за зубами. Записку для Хейла оставляли у него за стойкой, и в обед Рен её забирал.

Адреса его квартиры не знала ни одна душа, кроме Миры. А эта леди как-то нашла.

Он мельком глянул в треснувшее зеркало у двери. Рубашка мятая. Двухдневная щетина. На щеке отпечатался рукав. Остаток ночи он проспал за столом, уткнувшись в локоть.

Хорош, нечего сказать: аристократка на пороге, а детектив небритый, будто ночевал под забором. Рен потёр щеку и махнул рукой. Красоваться ему давно было не перед кем.

Да и она хороша, являться в такой час. Который сейчас? Шесть? Приличные люди в это время с визитами не ходят.

А эта, хоть и пришла спозаранку, приличная, сразу видно. Жаль. Хорошенькая ведь.

Он покосился на листок, приколотый к стене. Два имени, одно под другим. Он вывел их в первый же день, буква к букве, как когда-то в участке писал протоколы. Будто погибшим было дело до его почерка.

Две аристократки, растерзанные зверем. Город гудел от слухов и страха. Снова пошли разговорчики об одичавших ликах, о петиции в Совет, о том, что пора возвращать облавы.

Лорд, у которого убили сестру, нанял Рена через три дня после её смерти. Он сидел за столом красного дерева, вертел в пальцах её перчатку и всё повторял: полиция слишком долго раскачивается. Он хотел, чтобы убийцу нашли. И чтобы тот заплатил.

Раз убийца лик, значит, и отслеживать его должен лик.

Логика Рену понравилась. Только верилось с трудом, что лик в звере способен так убивать.

Лики, конечно, не помнили себя в обороте и, бывало, бродили по городу на четырёх лапах. Таких отлавливали и запирали, пока не обернутся обратно. Если вообще обернутся. Зверь ведь мог и не соизволить. Но чтобы растерзать человека? Такого не случалось никогда.

Рен вёл это дело уже неделю и до сих пор не накопал ничего путного. Свидетелей попроси найди. Следы стёрты. А лики, которых он опрашивал, либо и правда ничего не знали, либо не желали откровенничать с бывшим полицейским. Для них он был предателем.

На местах убийств он не почуял ничего. Ни следа зверя, ни намёка на запах, будто кто-то вымыл всё до последней пылинки.

Поисковые руны и прочие игрушки полицейских магов ликам были недоступны. Зато у Рена было то, чего нет ни у одного мага: чутьё зверя. Он чуял запахи лучше любой ищейки. И ещё кое-что, смутное, похожее на предчувствие. Оно вело вернее улик и почти никогда не ошибалось.

Хуже всего, что в этом деле молчало и оно.

А сегодня на рассвете у него на пороге стоит рыженькая леди и говорит, что была первой. Слишком уж кстати. Откуда она узнала про его дело? И где взяла адрес?

Чутьё всю неделю молчало. А тут встрепенулось.

Глава 2

Музыка в зале гремела, а от духоты платье липло к спине. Тётушка в пятый раз за вечер пыталась подвести её к какому-то достойному лорду и шептала на ухо наставления: «Улыбайся, Сереника. Леди не должна хмуриться».

Когда тётушку отвлекла знакомая, Ника выскользнула на террасу и прикрыла за собой стеклянную дверь. Осточертевший гул сразу стал глуше, а в лицо пахнуло ночной прохладой.

Она спустилась в сад, пересекла его и вышла за ограду, туда, где начиналась темнота городского парка. Всего на несколько минут, просто побыть в тишине.

Трава под туфлями была мокрой от росы. Где-то в ветвях сонно вскрикнула птица. Ника запрокинула голову и закрыла глаза.

За спиной хрустнула ветка. Обернуться она не успела.

Тяжёлая рука зажала ей рот. Ника рванулась, ударила локтем назад, но не попала. И всё провалилось в темноту.

* * *

Ника очнулась оттого, что не могла дышать.

Она не сразу поняла почему. Рот был забит тканью, на языке пыль и что-то горько-сладкое. Мысль была только одна: задохнусь. Ника задёргалась, но руки не двинулись: их завели за голову и стянули чем-то тонким и жёстким. Стоило шевельнуться, и путы врезались в кожу до крови. Камень под спиной был ледяным, ноги свело судорогой.

А ещё она была раздета.

Паника захлестнула её с головой. Ника билась, выгибалась, колотила пятками по камню, хрипела сквозь кляп, пока в лёгких не кончился воздух. И только тогда в голове прояснилось.

Будешь так биться, задохнёшься раньше, чем он вернётся.

Она заставила себя замереть и считать вдохи через нос. Раз. Два. Только не сбиться. Иначе снова накроет, и второй раз она не выдержит.

Вокруг было тихо. Ни шелеста, ни птиц, только её сердце стучало так, что отдавало в уши.

Глаза понемногу привыкли к темноте. Ника запрокинула голову. Вдоль обеих рук, от запястий до локтей, тянулись ровные кровавые линии. Горло саднило: в ямке между ключицами тоже что-то было вырезано. Она глянула вниз и увидела на левой груди, прямо над сердцем, ещё один знак, самый большой.

Это были руны. Пока она лежала без сознания, кто-то сидел рядом и вырезал их на ней.

Её замутило так, что она чуть не захлебнулась под кляпом. Сглотнуть. Ещё раз. Дышать через нос. Медленно.

Голая, связанная. Сколько прошло времени? Час? Больше? Холодная, липкая мысль, которую она гнала изо всех сил, всё равно пришла: что ещё он мог с ней сделать, пока она ничего не чувствовала? А вдруг чужие руки касались не только кожи, которую резали? В старых книгах тёмные ритуалы редко обходились одними рунами. Она знала, что можно сделать с беспомощной женщиной.

И теперь она никогда не узнает, было ли это с ней.

Крик уже рвался из горла, прямо в кляп. Ника услышала собственное мычание, словно со стороны.

И тут из темноты между деревьями на неё посмотрели жёлтые глаза.

Ника замерла.

Зверь шагнул вперёд. Огромный. Луна легла на серебристую шерсть, и он весь засветился, как призрак. Пасть приоткрылась, блеснули зубы.

Лик.

Лики не владеют собой в зверином обличье. Это знали все. Поэтому их и держали за второй сорт: кто может перестать быть собой, тому нельзя верить. Ника всегда думала об этом мимоходом, как о том, что её не касается.

Теперь это касалось её.

Она рванулась. Руки были связаны над головой, но пальцы двигались. Ника сложила их в жест боевой руны. Самой простой, которой учат на крайний случай.

Заклинание ударило не туда, куда она целилась. Боль вспыхнула такая яркая, что в глазах побелело. Белый гул. И темнота.

Когда она очнулась, в лесу было тихо. Запястья жгло. Заклинание ушло не в зверя, а в её же пути: верёвка оплавилась и почернела по краям. Хотя в чём-то ей повезло. Хватило одного рывка, и верёвка рассыпалась пеплом. Ника вытащила кляп, и её снова чуть не стошнило.

Зверя нигде не было.

Её одежда валялась рядом. Разорванная, но хоть что-то. Она натянула то, что осталось, даже не пытаясь зашнуровать корсаж пальцами, которые не гнулись от холода и ожогов.

Только теперь Ника огляделась. Где она? Деревья здесь были слишком высокие и росли слишком густо для городского парка. И ничего знакомого: ни огонька фонаря вдалеке, ни стука колёс, который ночью слышно отовсюду.

Она сделала несколько шагов и услышала, как где-то рядом плеснула вода. Пруд. Это был парк. Её парк.

Она обернулась, чтобы запомнить место. Но позади были только деревья, одинаковые со всех сторон. Поляны не было. Будто лес закрылся у неё за спиной.

Такой магии Ника не знала. Один шаг, и страшная поляна исчезла. А вокруг был обычный ночной парк.

Идти в таком виде было нельзя. Ника кое-как начертила на грязном платье руны скрытия. Вторая руна за ночь выпила из неё последние силы. Но идти было надо.

Свой экипаж она нашла там, где он и должен был стоять. Кучер задремал на козлах и не заметил, как она подошла и забралась внутрь.

— Поехали, — сказала она из темноты кареты и не узнала собственный голос. — Скорее домой.

Кучер вздрогнул так, что чуть не свалился с козел, и обернулся к окошку. Ника знала, что он её не увидит: руна скрытия ещё держалась.

— Леди? — Он потёр глаза. — И когда только успели... Домой так домой.

Он тронул лошадей и больше не оборачивался. Всю дорогу Ника сидела не шевелясь и слушала город за окном. В голове стучало, к горлу подкатывала дурнота.

Она списала это на страх.

* * *

Дома она успела только подняться к себе и сесть на пол у кровати. Руны скрытия она снимать не стала: никто в этом доме не должен был видеть её такой. Сил встать уже не было. Платье липло к груди: кровь из рун у горла и над сердцем ещё не засохла. По запястьям тоже текла кровь, но тело налилось такой слабостью, что Ника не могла даже дотянуться до платка и перетянуть раны.

Её тошнило, руки тряслись, а в голове стояла странная лёгкость. Ника уплыла в эту лёгкость и потеряла счёт времени. Пришла в себя, когда внизу хлопнула входная дверь. Руна скрытия давно погасла.

Ника слышала дядю и тётушку так ясно, будто они стояли рядом, хотя гостиная была на другом конце дома. Тётушка плакала навзрыд, срываясь на крик:

— Бесстыдница! Сбежала с кавалером, посреди бала, при всех! Я знала, я всегда знала, что этим кончится, она вся в...

— Успокойся. — Голос дяди был ровным и усталым. — Наш экипаж стоит у крыльца. Значит, она уехала с бала домой. Просто не предупредила, вот и всё.

— Просто уехала? Одна? Ночью?

— Она дома. Иди спать. Я с ней поговорю.

Потом на лестнице раздались шаги.

Дверь открылась.

Дядя застыл на пороге. Посмотрел на неё, на разорванное платье, на кровь на запястьях. И переменился в лице.

— Сереника...

Он опустился рядом с ней на колени. Осторожно взял её за руку, повернул запястье к свету.

— Ты видела, кто это сделал?

Ника слабо покачала головой. Рассказывать сил не было. Да и видела она не так уж много.

— Я срочно вызову лекаря, — сказал он наконец. — Он всё залечит, и никто ничего не узнает. В полицию мы не пойдём. Тебя будут допрашивать как преступницу, а завтра об этом напишут все газеты. Я этого не допущу.

— А тётушка?

— Тётушке не нужно знать. Она не выдержит.

Он помог ей подняться, довёл до кровати и укрыл одеялом, как в детстве, когда она болела. Дядя наклонился, и Ника вдруг увидела, как он постарел: морщины стали глубже, под глазами залегли тени, будто за одну ночь он прибавил лет десять. Из-за неё.

Ника закрыла глаза.

Глава 3

— Покажите, — сказал Рен, когда девушка закончила говорить о рунах.

Она сидела на его единственном стуле, прямая, как на званом обеде, а Рен устроился на подоконнике. Шляпку с вуалью она сняла ещё у двери и положила на край стола, подальше от его бумаг. Небо за спиной у Рена светлело, и первые лучи падали ей прямо на руки.

Она разгладила на юбке складку, которой не было. И ещё раз. Тонкие пальцы чуть подрагивали. Потом она всё-таки сняла перчатки и закатала рукав. Кожа на внутренней стороне предплечья была бледнее остальной, будто вымытая добела, а по ней, от запястья до локтевого сгиба, тянулась цепочка тонких белых линий. Зажившие, гладкие, словно прошли не три недели, а годы. Слишком быстро для обычной раны. Лечилась магией, понял Рен. Недёшево: простому люду такое не по карману. В участке раны зашивали суровой ниткой, и шрамы потом оставались на всю жизнь, бугристые и красные.

— Ещё одна такая же на другой руке, — сказала Ника, не дожидаясь вопроса. — И у горла. И... — она запнулась, — есть ещё одна.

Рен посмотрел на её шею, потом ниже, туда, где кружево выреза едва прикрывало ключицы. У самого края ткани на белой коже проступал краешек ещё одной линии: тонкой, почти неразличимой, если не знать, что искать.

— Вы можете это прочесть? — спросил Рен. — Я не обучен рунной письменности.

— Часть рун — да, — сказала Ника. Рен наконец отвёл глаза, и она торопливо одёрнула рукав. — Не всю комбинацию. Вот этот. — Она провела пальцем по воздуху, повторяя росчерк. Линия на миг повисла бледным следом и растаяла. — Руна оттока. Её чертят, когда нужно перекачать силу из одного сосуда в другой. А этот, у сгиба локтя, — руна русла: не даёт силе растечься, ведёт её в одном направлении. Но зачем их столько сразу и что стоит в центре, над сердцем, — я не знаю.

Ника замолчала и ждала, что он спросит. Веснушки на переносице, рыжие пряди выбились из причёски. Совсем девочка, слишком юная для всего, что с ней случилось. Сколько ей? Двадцать? Вряд ли она старше Миры. Нет, должно быть, не меньше двадцати трёх: печать такого уровня недоучке не наложить. Право практиковать руны дают только тем, кто закончил Академию целиком, а туда моложе совершеннолетия не берут.

Рассказывая, она то и дело замирала на середине фразы, будто снова оказывалась рядом с маньяком, и ей приходилось заново выбираться оттуда, чтобы договорить. Рен узнавал это оцепенение. Так замирал и он сам на первых делах, пока был молодым и ещё не таким толстокожим.

Рену вдруг стало её жаль. Сильнее, чем стоило бы жалеть незнакомую леди.

— Чего вы хотите, леди? — спросил он наконец. — Найти убийцу? Отомстить?

— Я хочу участвовать в расследовании.

Рен уставился на неё. Она это всерьёз?

— Нет.

— Вы даже не выслушали...

— Мне не нужно вас слушать, чтобы знать, чем это закончится. Вы будете путаться под ногами, падать в обморок при виде крови...

Хотя к его ногам пусть бы и упала. Он был бы не против.

Ирония, конечно. У ног обычно оказывается лик, а не человек.

Мир давно сошёл с ума, раз в нём бывает такая извращённая «истинная любовь». Между людьми и ликами случались связи, только «долго и счастливо» из них не выходило. Лик, который поддавался этой любви, взаимности не получал. Человек получал пожизненную преданность в один конец. Старики в квартале говорили про таких коротко: отдал поводок.

Почему так, никто не знал. Наверное, для истинной любви нужен зверь, а у людей его попросту нет.

Лики научились себя беречь: держались своих и женились на своих. А люди сделали из этого удобный для себя вывод: лики существа низшие и созданы подчиняться.

Девушка уже говорила, он не заметил, когда она начала.

— ...не раскроете это преступление без меня, — продолжала Ника. — Оно магическое. А вы не обучены рунам, вы сами только что это признали.

— Для этого есть полиция. Там целый отдел магических следователей, куда лучше подготовленных. Почему вы не пошли туда?

— И похоронить мою репутацию заодно? — Она разозлилась. — Явиться в участок и рассказать, что меня похитили, раздели и вырезали руны на теле? К вечеру об этом будет знать весь город, а к утру мой опекун решит, что меня надо либо срочно выдать замуж, либо запереть навеки.

— И чем именно вы собираетесь помочь? Знанием пары рун с факультета благородных девиц?

— Я закончила боевой факультет Академии.

Он моргнул.

— Простите?

— Боевой факультет, — повторила она с гордостью, — пять лет подготовки. Меня учили не падать в обморок при виде крови, детектив. Меня учили её проливать.

Так вот откуда твёрдые мозоли на пальцах, которые он заметил, когда она сняла перчатки.

Она солнечно улыбнулась, как примерная пансионерка, которую вот-вот вызовут читать стихи. Стихи, надо думать, о расчленении, мрачно добавил про себя Рен.

— Академия — это манекены, разметка на полу и инструктор, который останавливает бой до того, как станет по-настоящему больно. — Он насмотрелся на выпускников Академии, пока служил в полиции. Приходили в новеньких мундирах, с идеальной выправкой, и первая же кабацкая драка выбивала из них всю науку. И хлопот с аристократкой ему было не надо, своих хватало с лихвой. — Боевой факультет не уберёт вас от маньяка.

— Я не ждала, что на меня нападут на балу, — возмутилась Ника. — Но всё же. Благодаря боевому я осталась жива.

Боевой факультет считался делом тяжёлым и немодным, и приличное общество его не жаловало. Зато платили хорошо, особенно немногим девушкам, которые там доучивались: знатным дамам не положена мужская охрана в спальне или экипаже, а телохранительниц наперечёт. Туда шли те, кому нечего терять: бесприданницы, дочери магов среднего пошиба, все, кому нужны деньги. Аристократка с такой выучкой у Рена в голове не укладывалась.

— В расследование я вас не возьму, — сказал он наконец. — Но буду рассказывать вам, что узнаю. А вы, если увидите что-то по своей части, руны, символы, что угодно, скажете мне.

— Как скажете, — ответила эта несносная аристократка слишком быстро и слишком покладисто, чтобы он ей поверил. — Вы берётесь за моё дело, детектив?

Он должен был сказать нет ещё раз. Но чутьё, молчавшее на всех местах убийств, при ней заворочалось. Она что-то скрывала, он понял это с той секунды, как она переступила порог. А раз скрывала, значит, было за что зацепиться. Единственную ниточку за неделю так просто не бросают. Даже ради собственного спокойствия.

— Тогда поехали, — заявила девушка, будто вопрос был уже решён.

— Куда?

— Как куда? Вы же хотите увидеть то место, где на меня напали?

— В городской парк? Сейчас?

Рыженькая сощурилась.

— Вам нужно сперва припудрить носик, детектив?

— Неплохо бы хоть умыться. И вообще, почему вы завалились ко мне ни свет ни заря?

Внизу во дворе уже гремели вёдрами, из пекарни на углу тянуло горячим хлебом. По этому запаху Рен и без часов знал, что пошёл седьмой час.

Он снял с вешалки плащ. На рукаве темнели полосы там, где были нашивки: ткань под ними не успела выгореть.

Она чуть помедлила, глядя ему не в лицо, а куда-то в шею: то ли не решаясь встретиться взглядом, то ли беззастенчиво его разглядывая. Впрочем, фантазировать не стоило. Скорее первое. Чего ради ей его разглядывать?

— Чтобы наверняка застать вас дома. И чтобы не застать рядом никого, кто хотел бы проследить за мной.

Рука Рена, уже наполовину в рукаве плаща, замерла.

— Вы подозреваете слежку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.